

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

И.М. Нуриева

Удмуртский институт истории, языка, литературы УрО РАН, Ижевск

О севернудмуртских причитаниях-импровизациях (по материалам удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г.)

Аннотация: Статья посвящена малоизученному в удмуртской фольклористике жанру причитаний. Текстологический анализ архивного материала фольклорно-лингвистической экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института 1929 г. позволил классифицировать имеющиеся образцы причитаний, а также поставить проблемы народной терминологии и типа речи в удмуртских причитаниях.

The article is devoted to less studied in Udmurt folkloristic genre of laments. The textual analyses of archive materials of field work (1929) of Udmurt Science Researcher Institute allows to classify all patterns of Laments in the manuscript, and to put problems of folk terms and type of language of Udmurt Laments.

Ключевые слова: внеобрядовая импровизация, крезь, причитание.

Non ritual improvisation, krez, Lament.

УДК: 783.

Контактная информация: Ижевск, ул. Ломоносова, 4, УИИЯЛ УрО РАН. Тел. (3412) 687870.

В удмуртской фольклористике за последние пятьдесят лет накоплен достаточно солидный материал по песенным жанрам северных удмуртов и бесермян. Собранные образцы песенного фольклора опубликованы в сборнике И.К. Травиной «Удмуртские народные песни» [Травина, 1964], в отдельном томе антологии удмуртского фольклора М.Г. Ходыревой «Песни северных удмуртов» [Ходырева, 1996]. Однако по сравнению с южнудмуртским регионом северная музыкально-песенная традиция очень скудно представлена более ранними источниками – записями собирателей, краеведов, ученых-лингвистов, этнографов. Исключение составляет блестящая серия работ исследователя археологии, этнографии и фольклора Вятской губернии Н.Г. Первухина «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда», в одном из которых приведены тексты различных жанров песен северных удмуртов [Первухин, 1888].

Тем более ценными для удмуртской фольклористики является записи лингвистической экспедиции 1929 года, хранящиеся в рукописном фонде научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН (рукописный фонд 2-Н, дело № 336).¹ К сожалению, за редким исключением, эти записи до сих пор не вошли в научный оборот, хотя даже самое поверхностное ознакомление с ними показывает их значимость для лингвистики и фольклористики. Руководил той экспедицией Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) – выдающийся советский финно-угровед, член-корреспондент АН СССР. Характеризуя ту экспедицию, он спустя год напишет: «Удмуртская лингвистическая экспедиция состоялась по инициативе и на средства Удмуртского Обона летом 1929 г. Благоприятные условия работы, в ча-

¹ Далее: [Материалы лингвистической экспедиции].

стности многочисленный (15 чел.) и для того времени весьма высокий по квалификации состав экспедиции (все удмуртоведческие силы Удмуртской области, Казани, Москвы и Ленинграда), позволили собрать весьма значительный материал – текстовый, словарный, синтаксический, морфологический, фонетический – по различным районам Удмуртской области с севера до юга. С этой стороны экспедиция прошла весьма удачно, что и было отмечено в отзывах государственных и общественных учреждений и организаций Удмуртской области. Со стороны обработки собранных материалов дело сложилось, однако, иначе. Не успели материалы экспедиции быть переписаны на машинке, как в некоторых кругах возник поворот интересов в сторону так называемой яфетической теории, в то время имевшей репутацию «марксистского языковедения в становлении», – а этот поворот интересов исключал внимание к обработке собранных экспедицией материалов. Работники экспедиции рассыпались. Руководитель экспедиции (пишущий эти строки), не имея возможности единолично провести всю обработку, обратился к преимущественному изучению другого языка» [Бубрих, 1992, с. 3]. Таким образом, обработка богатейших материалов экспедиции свелась к перепечатке. В настоящее время они представляют собой два машинописных тома, содержащих образцы речи различных диалектов Удмуртии, а также самые разнообразные жанры удмуртского фольклора, в том числе песни. По сравнению с другими диалектами наиболее полно представлена в рукописи Зуринская волость Глазовского уезда Вотской автономной области (ныне Игринский р-н Удмуртии), фольклорные материалы которой и стали предметом настоящего исследования.

Из всего обилия записей наше внимание привлекли импровизационные жанры севернoudмуртского (зуринского) песенного фольклора, а именно – причитания.

Импровизация в севернoudмуртской и бесермянской традиции тесно связана с явлением так называемых «песен без слов», точнее, «песен на припевные слова», поскольку их текст представляет собой ряд не связанных между собой отдельных слов из служебной лексики (междометия, союзы, наречно-образительные и звуко-образительные слова, устаревшая лексика, иногда не переводимая), перемежающийся отдельными лексическими вставками:

Сюан крезь (свадебный напев)

Тами бен, тами бен шуом вал гинэ но гыдыр э гинэ но.

Сюан вань, сюан, губечын кунян вань. Жингыр эк-а вералом.

Жамин-жамин шуиськом гинэ но гыдыр э гинэ.

Ок-а бен-а но гинэ э ялэ вал гинэ но вераса вал.

Тами да, тами да скажем было только, гыдыр, э, только, да.

Свадьба есть, свадьба, в подполье теленок есть. Жингыр, эх ли, скажем.

Жамин, жамин говорим только, да, гыдыр, э, только.

Ох ли, ведь ли, да, только, э, ялэ, было да, только, говоря было.

[Ходырева, 1996, с. 27].

Күно пумитан голбс (напев встречи гостей)

Жингыр шуисько бен гинэ, гинэ вералом-а ялам-а бен вералом-а но,

Годыр, годыр э ук бен-а но.

Жингыр говорю да только, только скажем ли, всегда ли, да, скажем ли да,

Годыр, годыр, э, не, да, ведь, да.

[Там же, с. 51].

Причитания как самостоятельный жанр песенного фольклора удмуртов и бесермян в удмуртской фольклористике рассматривался только филологами [Первозчикова, 1982, с. 47–49; Владыкина, 1998, с. 120–123]. Музыковеды более осторожно номинировали образцы песенного фольклора. Например, в шеститомной

песенной антологии «Удмуртский фольклор», посвященной различным удмуртским локальным традициям, нет ни одного образца причитаний. Исключение составляют два бесермянских свадебных плача в сборнике И.К. Травиной «Удмуртские народные песни» (плач невесты и плач матери), записанные в одном из северных районов Удмуртии [Травина, 1964, с. 113, 114]. Сольный плач невесты при прощании с родными является практически единственной нотированной публикацией свадебного песенного причитания. Плач матери записан от ансамбля и, скорее всего, имеет аналогии с соседними удмуртскими традициями свадебных «плакальных» песен *ныл бõрдытон крезь* ('напев вызывания слез невесты'), исполняемых в обряде коллективно.

В целом материалы рукописи убеждают, что традиция импровизации была очень яркой. Импровизационные жанры составляют значительную часть песенного материала. Удивляет молодой возраст исполнителей: от пятнадцати до двадцати двух – двадцати девяти лет. В д. Мазьги Зуринской волости (ныне д. Лонки-Ворцы Игринского р-на) от Наталии 26-ти лет было записано восемь причитаний: три рекрутских (от имени солдата, родителя и жены), пять похоронных (по отцу, дочери, матери, старшему брату и подруге). Очевидно, талантливой исполнительницей была Стрелкова Екатерина Никит., 22-х лет, спевшая семь импровизируемых причитаний (похоронное по дочери, три свадебных, три любовных). Одно причитание от имени болящего сына было записано от двадцатидвухлетней Смоляновой Натальи. Вероятно, импровизируемый характер записанных текстов ощущали и сами исследователи, поскольку перед каждым из любовных причитаний, например, содержатся ремарки: «Импровизация Стрелковой Екатерины Ник.», «сообщение той же Стрелковой Ек. Ник., по ее словам, ею сочиненное» «другое сочиненное сообщение Стрелковой Ек. Ник.» [Материалы лингвистической экспедиции, с. 402, 403]. При сравнении с другими импровизируемыми жанрами (гостевыми, свадебными) прослеживается тенденция специализации исполнителей: исполнительница из д. Мазьги Наталия 27-ми лет спела только цикл гостевых (угощения, проводы и ожидания гостей) и свадебных импровизаций, в то время как Стрелкова Екатерина Никит. и двадцатишестилетняя Наталия из д. Мазьги спели только причитания.

Причитания в материалах рукописи образуют отдельный блок импровизируемых жанров наряду со свадебными, гостевыми песнями. Но, в отличие от последних, собиратели не всегда отмечали точные названия жанра. Вместо них мы обнаружили собирательские ремарки, записанные, очевидно, со слов информантов, описывающие ситуацию исполнения: *Бызьыкуз коркась потыкуз тазь шуса кырӧна* 'Выходя замуж, из дома выходя, так говоря, поет' (о свадебном причитании невесты при выходе из дома) [с. 400], *шайвылын кыл вэраса кырӧнало* 'на кладбище слова говоря поют' (о похоронном причитании) [с. 399]. Обозначения других образцов создают впечатление искусственно созданных авторами записи, видимо, для создания уточняющей классификации. 'Солдатской песней/песней уходящего человека' названо, к примеру, причитание рекрута (*солдат кырӧнан/кошкись муртлэн кырӧнанэз*). 'Народная песня' *калыкэзлэн кырӧнанэз* представляет собой причитание матери по сыну-рекруту, 'песня женщины/жены' *кышноезлэн кырӧнанэз* – причитание жены по уходящему в армию мужу. Похоронные причитания по отцу, дочери, матери, старшему брату, подруге обозначены 'об умерших людях' *кулэм муртъёс сярись*.

Таким образом, прослеживается некий «разнобой» в названиях жанра, отсутствие единой терминологии. Вряд ли можно терминологическую нечеткость объяснить невнимательностью собирателей, так как, по оценке Д.В. Бубриха, в экспедиции были задействованы профессионалы из республики и столицы страны. При обращении к другим источникам, в частности, к «Эскизам...» Н. Первухина обнаруживается сходная картина. В причитании невесты, рекрута отмечен напев *кõt куректон крезь* 'горестный напев', на который исполняется текст, и описыва-

ется ситуация, например: «Поется при проводах новобранца на службу» [Первухин, 1888, с. 56]. В похоронных причитаниях кроме напева дано название – «заплачки (кылан-буран)». При этом используемый Н. Первухиным термин *кылан-буран* (от глагола *кыланы-бураны* ‘причитать, плакать, приговаривая’) скорее номинирует не жанр, а содержание песен-заплачек: «*кыланы-бураны*... значит высказывать свое горе-печаль, – выражать неудовольствие; = выражение печали, горя» [Первухин, 1888, с. 57]. В словаре Ю. Вихманна это слово переведено на немецкое *pörgeln* (несколько значений, в том числе ‘хныканье, нытьё ребенка’) [Wichmann, 1987, с. 120]. Слободские удмурты существительным *кыл вур* обозначают понятие ‘дар речи’ (ср. с коми *кыв-вор* ‘речь, дар слова, красноречие’) [Лыткин, Гуляев, 1999, с. 63]. В современной традиции термин обычно употребляется не как название определенного жанра, а как характеристика, манера исполнения: *кыласа-бураса* (‘приговаривая, плача’).

Образовавшийся некий парадокс (существование жанра при отсутствии его обозначения), возможно, отражает архаичное состояние причетной традиции, импровизационную сущность рождающихся в момент исполнения причитаний, не успевших приобрести законный статус в жанровой иерархии. В современной северноудмуртской традиции мы неоднократно встречались с подобным явлением – сольной или коллективной импровизацией, которую исполнители в ответ на наш вопрос в разных локальных традициях обозначали примерно одинаково: *крезь* ‘напев’, *озьнэ крезь* ‘так только напев’, *удмурт/бесерман крезь* ‘удмуртский/бесермянский напев’, *общий крезь* ‘общий напев’, *веськыт крезь* ‘прямой напев’, *весьяк крезь* ‘постоянный напев’ или *просто крезь*, не придавая особого значения названию.

Жанровым определителем исследуемых образцов фольклора является непосредственно текст, его содержание. При всем разнообразии ситуаций и сюжетов в причитаниях просматривается основной лейтмотив – уход, прощание, за которым стоит мотив смерти. Навсегда прощается рекрут, уходя по длинной-длинной дороге, прощается невеста, упрекая родную мать в том, что она оказалась ей не нужной. Предсмертные наставления дает умирающий в болезни человек. Прощается со своей молодостью и красотой молодая девушка... (см. приложение).

Текстологический анализ рукописных материалов поднимает и другую проблему – определение типа речи (поющая проза или поющийся стих). В отличие от песенных образцов, имеющих все признаки поэтической речи, импровизируемые жанры в рукописи не всегда образуют четкие границы: импровизация может плавно перейти в диалог участников записи, текст графически не оформлен. Кроме того, многие строки обрываются многоточием. Возможно, авторы записей не успевали фиксировать полный текст, но не исключено, что под многоточием скрывались припевные слова, непонятные и «лишние», с точки зрения собирателей.

В известной работе об удмуртских песнях Е.В. Гиппиус и З.Я. Эвальд, рассматривая охотничьи песни, отнесли их к повествовательной традиции, имеющей «многочисленные стадийные параллели в охотничьих песнях-импровизациях саамов, хантов, манси и других народов севера» [Гиппиус, Эвальд, 1989, с. 14]. По их мнению, форма удмуртских повествовательных песен представляет собой «ритмизованный напевом прозаический рассказ, описывающий в производственно-детализированных реалистических образах последовательность действий охотника» [Там же]. Повествовательность также является одной из важных стилистических черт музыкальной интонации импровизируемых причитаний. Если исходить из латинских определений стиха и прозы (стих, *versus* – «поворот», «возвращение к началу ряда», проза – «речь, «которая ведется прямо вперед», без всяких поворотов» [Гаспаров, 1989, с. 7]), то тип изложения действительно более близок прозе. Весьма любопытным в свете латинских определений покажется этимология северноудмуртского термина *веськыт крезь* ‘прямой напев’, озна-

чающего пение на импровизируемые припевные слова, нанизывающиеся друг на друга (ср. с марийским жанром песен без слов *вияш-муро*, букв. ‘прямая песня’).

Некоторые тексты внеобрядовых импровизаций также представляют собой рассказ, размышления о каких-то особенных событиях в жизни. Воспоминания о Великой Отечественной войне, например, лежат в основе внеобрядовой импровизации, записанной, кстати, в той же местности (Игринский р-н) от Софьи Андреевны Широбоковой в 2008 г.:

*Э бени гинэ но эк бени но вералом-ай ук,
Ойдолэ но бен ук э кыцэ ке но улон умой вал ук
Э [...] сюрс укмыс сю ньыльдон одӱг арысен
Кыцэ улон урод луиз ук, мыным соку дас одӱг арес гинэ вал ук.
Ми шудонэз но, умой-умой ѓм адӱылэ ук.
Школайын салдатӱёслы ыжгон тугыто вал.
Сэрэ соослы кин быгатэ салдатӱёслы ыстын пкӱзь керпто вал.
Одӱг но эрик ѓй вал ук, а кыцэ али пиналӱёс дунне вылын уло ук.
Нуназэозь кӱло, а ми кӱлонэз но ѓм адӱылэ.
Али зато кӱлса гинэ улӱсько, тацэ улонэ [...].
Э война ке ѓй лусал ук, кыцэ дунне вылын умой лусал ук.
Кыцэ визьмо калыкӱёсты ведь.
Ваньзэ войнае нуизы но ваньзы быризы.
Кышноӱс кудӱз ук кык арня гинэ мужикен
Улӱзы улон но.
Со сяны-а соӱс мужик но ѓз адӱылэ.
Вот так дела.
Кудӱзлэн уг э но
Куать кузя, сӱзӱым кузя пиналӱёссы кылизы.
Бубиӱссы войнае быризы.
Остэ Иньмаре, сыцэ улон вал ук, война ке ѓй лусал...
[Полевые аудиоматериалы Поповой Е.Н.]*

Э, вот, только, да эх, вот, да, скажем ли, ведь,
Давайте, да вот, ведь, э, какая-то да жизнь хорошая была ведь.
Э [...] в тысяча девятьсот сорок первом году
Какая жизнь наступила плохая ведь, мне тогда одиннадцать лет только
было ведь.
Мы веселья да толком не видели ведь.
В школе для солдат овечью шерсть бьют было.
Потом им, кто может, солдатам, чтобы послать, варежки вяжут было.
Совсем воли не было ведь, а как сейчас молодые на свете живут ведь.
До обеда спят, а мы спанья не видели.
Сейчас зато спя только живу, такая моя жизнь [...].
Э, если бы не было войны, как на свете было бы хорошо.
Какой умный народ ведь.
Всех на войну забрали да всепогибли.
Женщины, которые ведь две недели только с мужем
Прожили жизнь да.
Кроме этого мужа больше не видели.
Вот так дела.

У которых ведь, э, да
Шестеро, семеро детей остались.
Отцы на войне погибли.
Господи Боже, такая жизнь была ведь, если бы войны не было...¹

Приведенный текст импровизации не оставляет сомнений в его прозаическом характере. Однако причитания, записанные в 1929 г., в сравнении с вышеприведенным примером показывают несколько иной характер текста. Обращает на себя внимание наличие формульных мотивов (просьба покрыть гроб/чум/перекладину в клети покрывалом/скатертью, вытканной 8 или 12 ниточками, в похоронных, свадебном причитании и причитании болеющего парня), постоянные рефрены-обращения к адресату. Эмоциональный накал произнесения-пропевания причитаний, предполагающий ритуальный сакральный контекст, также отличает их от эпически неторопливого повествования внеобрядовой импровизаций. Очевидно, что исследуемые причитания более соответствуют определению стиха: «текст, ощущаемый как речь повышенной важности, рассчитанная на запоминание и повторение» [Гаспаров, 1989, с. 7].

Архивные и полевые источники

Материалы лингвистической экспедиции института в Глазовский, Можгинский, Зуринский, Якшур-Бодьинский районы УАССР, 1929 год. Научно-отраслевой архив Удмуртского института ИЯЛ УрО РАН. РФ 2-Н, Д. № 336.

Полевые аудиоматериалы Поповой Е.Н., записанные в Игринском районе УР в 2008 г.

Литература

Бубрих Д.В. Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сборник научных трудов / Ред.-сост. В.К. Кельмаков. Ижевск, 1992.

Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.

Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989.

Гиппиус В.Е., Эвальд З.Я. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Гиппиус В.Е., Эвальд З.Я. Удмуртские народные песни: Тексты и исследования. Ижевск, 1989.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. Эскиз III.

Перевозчикова Т.Г. Своеобразие жанра причитаний в удмуртском фольклоре // Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма. Тезисы докладов / Ред. И. Рюйтел. Таллин, 1982.

Травина И.К. Удмуртские народные песни. Ижевск, 1964.

Ходырева М.Г. Песни северных удмуртов. Ижевск, 1996. Вып. 1. (Удмуртский фольклор).

Wichmann Y. Wotjakicher Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU).

¹ Перевод Е.М. Нуриевой

Приложение¹

Солдат кырһан (кошкысь муртлэн кырһанэз)

Кыһы мэд-а улод, кыһы, мэд-а вэтлод?.. Мон тарэ куинь арлы кошкисько. Мышмэ уд адһэ ни, мыгормэ но уд адһэ ни.

Тон, кышнойэ нэч ул... Мумийэ, бубыйэ, кышномэ эн тышкаськыса воһэ... Йэгит калык пöлы эн поты.

Мумыйэ, бубыйэ, кышномэ эн лэдһалэ шудыны йэгитйосын.

Тарэ кыдьокэ кошко ин.

Куһ куһ сьурэс куһа...

Куһ, куһ сьурэс кошкысько ин но, сьöд воронкойэ пуксисько ин.

Кышномэ тэ чупасько ин, һыч ул, кышнойэс? Тарэ ачим сьöд воронкой-эн кошкисько ин. Тарэ пока гожтэтмэ витьэ ин...

Пальһан кийам носовка кутисько,

Бураз кийам карандаш кутисько:

Син вуэ (син көльһэй) шапыр вийа...

д. Мазьги Зуринской волости, Наталия 26 ар,

4 июля 1929 г.

Солдатская песня (песня уходящего человека)

Как же проживешь, как же будешь ходить?.. Я теперь на три года ухожу. Меня не увидите уже, моего тела да не увидите уже.

Ты, жена, хорошо живи... Матушка, отец, мою жену не ругая держите... К молодежи (молодому народу) не пускайте.

Матушка, отец, мою жену не пускайте гулять с молодыми.

Теперь далеко ухожу уж.

По длинной, длинной дороге...

Длинная, длинная дорога, ухожу да уж, на вороного коня сажусь уж.

Жену свою целую, хорошо живи, женушка? Теперь сам на вороном коне ухожу уж. Теперь пока мое письмо жди уж...

Левой рукой носовой платок беру,

Правой рукой карандаш беру:

Слезы льются градом...

д. Мазьги Зуринской волости, Наталия 26 лет,

4 июля 1929 г.

[Материалы лингвистической экспедиции, с. 348–349]

Висись пилэн кырһанэз

– Э мэми, мэми мон кэ кули йöнад кыльöд уг.

– Мынам сундукам вить выртэн лöккы шэта, куать выртэн вальэс шобрэтэ гыроп вылам шобыртыса ну.

– Шобыртыса кэ нуид – чэркэ пырты.

– Чэркэ кэ пыртид бацколы сьот Съэмон Пэтьалы сьотэм кадь потоз.

– Шай вылэ нуыку гырлыдэ жугытыса ну.

– Гуэ лэзыху вöсь эн кары.

– Ымныр вылам сьуй куйаку вöсь эн кары.

– Э, нэнийэ, нэнийэ, шайысь потыкуд бöрдыса эн поты.

Порияй гуртысь, 22 ар. Смольянова Наталь взрамйа

Песня болеющего парня

– Эх, матушка, матушка, если я умру, одна ведь останешься.

¹ Удмуртские тексты даны в оригинальной транскрипции и графике, перевод И.М. Нуриевой.

– В моем сундуке скатерть пятью нитченками тканая, шестью нитченками вытканым покрывалом гроб, покрывши, унеси.
 – Когда, покроешь, унесешь – в церковь занеси.
 – Когда в церковь занесешь, батюшке дай, как будто ты сыну Семена Пете отдаешь.
 – Когда понесешь на кладбище, в колокол ударяя, неси.
 – В яму опуская, больно не сделай.
 – На лицо землю бросая, больно не сделай.
 – Эх, матушка, матушка, с кладбища выходя, не плачь.
 По рассказу Смоляновой Наталь. 22 лет, из д. Порьай
 [Материалы лингвистической экспедиции, с. 428–429]

Бызыкуз коркась потыкуз тазь шуса кырья

*Монэ ти събр карса возыды.
 Мыным дись но ёд лэсьтэ.
 Кэньакэ дисьсэ вань кулэм атаэлэн (акайэлэн) да аслам лэсьтэм дисьсэ,
 ас ки вылысьтым поттэм коньдонэным басьтэмын.
 Асьтэлэн кэ карсалды кужмы но ёй съотысалды ти монэ.
 Э малы мэда мон гинэ нылпиды шудтэм ворскиськэм.
 Йаратонэлы кэ шэдьысал туж шудо вылды мон луысал.
 Э кызы мэда мон бэрытском кызы мэда ныл дырмэ бэрыктом:
 Э нэнэ нэнэ тон коть жалыя вал монэ. Мон тынад аслад вал.
 Басьтэм нылпикэ луысал.
 Куштэ вал ти монэ,
 Кэнья кэ но мон ужай.
 Йалан нэнэ тыныд йурттыли.
 Алы коть тон монэ кэльтывал.
 одиг арлы ас бордад.*

При выходе замуж из дома выходя так говоря поет

Меня вы в стороне держали.
 Мне одежду да не справляли.
 Сколько одежды – вся умершей сестры (тети) да самой справленная одежда.
 своими руками заработанными деньгами куплена.
 Если считали бы (меня) вашей, силой не отдавали бы вы меня.
 Эх, почему же я только из детей несчастливой родилась?
 Если бы за любимого я вышла, очень счастливой, наверное, я бы стала.
 Эх, как же мне вернуться, как же девичество вернуть:
 Эх, матушка, матушка, хоть бы ты жалела было меня. Я твоя (родная) была.
 Если бы приемной дочерью была бы,
 Бросили бы было вы меня,
 Сколько-то да я работала.
 Всегда, матушка, тебе помогала.
 Сейчас хоть ты меня бы оставила
 на один год возле себя.
 передавала Стрелкова Екатерина Никит. 22 лет Зуринская
 [Там же, с. 400]

Ныллэн малпамэз

*Малы мэда дуньэйын улоно
 курадзныса...*

*Малы мэдам вордотсконо дуньнэ
 вылэ...
Солэн улон вылаз өвөл шум потонэз, улэмлэн падьийэз өвөл.
Цошкыт вылын чэбэр гэрбэр сьаська потэм.
Сойэ сьаськайакуз гинэ йаратизы, кукэ шуйан өддьдяз сойэ ньэнокинно
өз адһы...
 Озь ик ортчоз йэгит дырыд, кукэ тон чэбэр сьаська кадь, тонэ котькин
йаратэ...
 Кукэ чэбэрэд быриз тонэ ньэнокинно уг адһы ни.
 Ой сьэкыт туж сьэкыт тазьы малпаса улыны.
Ньэнокинно матысьез гажанойэ өвөл кинлы малпаммэ вэрасал (вэра-
лом).*

Девичья дума

Почему же на этом свете приходится жить
 страдая...

Почему же приходится родиться
на этот свет...

В жизни на этом (свете) нет радости, нет пользы от жизни.

На равнине красивый цветок гербер распустился.

Его при цветении только любили, когда начал увядать, его никто не
увидел...

Так же пройдет молодость, когда ты как цветок красива, тебя все
любят...

Когда красота проходит, тебя никто не видит уже.

Ох, тяжело, тяжело так думая жить.

Никакого близкого друга нет, кому свои думы сказала бы...

Сообщение той же Стрелковой Ек. Ник., по ее словам ею сочиненное
[Материалы лингвистической экспедиции, с. 402–403]